
Олимпийский дебют советского спорта

Александр Куприянов

Olympic debut of Soviet sports

Aleksandr Kupriianov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23050103, EDN: OXFSTL

Участие Советского Союза в Олимпийских играх кажется всесторонне изученным, однако это суждение справедливо лишь для московской Олимпиады 1980 г. Кроме того, большинство литературы по этой теме имеет научно-популярной и учебный характер. Есть все основания присоединиться к мнению А.К. Сорокина, который писал: «История участия нашей страны в Олимпийском движении до сих пор известна нам лишь в общих чертах»¹. До начала XXI в. её исследование находилось в парадигме традиционной истории спорта: «очки, голы, секунды». Политические, экономические, социокультурные, гендерные проблемы вхождения СССР в олимпийское движение оставались без внимания историков. В полной мере это относится и к дебютным для советских спортсменов Олимпийским играм 1952 г. в Хельсинки. Открытие для исследователей архивов советского времени, публикации комплексов документов создали благоприятные условия для изучения истории участия Советского Союза в Олимпиадах.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть организационные и политические проблемы подготовки и участия советских атлетов в Олимпийских играх 1952 г. Исследовательский фокус обращён в первую очередь на взаимодействии трёх субъектов: высшего партийно-государственного руководства страны; органов организации и управления физкультурным движением (ведомственного государственного учреждения – Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР (далее – Спорткомитет), ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ); и сообщества «спорт высших достижений». Последний представлен элитным слоем спортсменов – членов и кандидатов в сборные команды страны, их тренерами и руководителями всесоюзных секций по видам спорта.

Источниковой базой исследования послужили постановления и распоряжения Совета министров СССР, постановления и делопроизводственная документация ЦК ВКП(б), переписка Спорткомитета с ЦК ВКП(б), Советом министров СССР, а также с ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, общесоюзными министерствами. Материалы периодической печати представлены газетами «Правда» и «Красный спорт» («Советский спорт» с 19 марта 1946 г.). Другую значительную группу источников представляют воспоминания и интервью спортсменов, тренеров и руководителей, среди которых особое место занимают мемуары Н.Н. Романова², возглавлявшего советский спорт в 1945–1962 гг. (кроме апреля 1948 – декабря 1950 гг., когда он был снят с должности, но оставался в руководстве Спорткомитета).

© 2023 г. А.И. Куприянов

¹ Сорокин А. Олимпиада-52 в зеркале партийных документов // Родина. 2014. № 1. С. 66.

² Романов Н.Н. Трудные дороги к Олимпу. М., 1987.

Мемуары Романова, полные недомолвок и субъективных оценок, оказали большое влияние на историографию советского спорта 1940–1950-х гг. Автор следующим образом представил олимпийский курс советского спорта: «Уже в первые послевоенные годы руководство Комитета сочло возможным исподволь начать подготовку к XV Олимпийским играм (Игры 1952 г. в Хельсинки. — А.К.). К Олимпиаде 1948 г. советские спортсмены уже не успевали подготовиться. Да и развязанная к тому времени “холодная война” с её безудержной злобной антисоветской кампанией отнюдь не способствовала нашему участию в Лондонской олимпиаде»³. Именно по схеме Романова, замечу, лукавой схеме, и выстраивают изложение многочисленные учебные, научно-популярные, иллюстрированные издания и даже научные статьи по истории участия советских спортсменов в Олимпийских играх.

Романов допустил небольшую подмену: вместо «не успели» он написал «не успевали» подготовиться к Играм 1948 г. в Лондоне. О зимних же Олимпийских играх 1948 г. он совсем «забыл». Между тем документы свидетельствуют об обратном. В начале 1947 г. Спорткомитет направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова обширную записку, в которой обосновывал необходимость участия советских спортсменов в Олимпийских играх: «Учитывая большую популярность Олимпийских игр в общественном мнении всех стран мира, непрерывное увеличение количества стран, принимающих участие в соревнованиях, а также и то обстоятельство, что по своей идее Олимпийские игры рассматриваются как символ мира (Олимпийские игры не проводятся в период войны), представляется особо желательным участие спортсменов Советского Союза в Играх 1948 года»⁴. Спорткомитет полагал «возможным» участие советских спортсменов в зимней Олимпиаде 1948 г. по лыжному, конькобежному спорту и «канадскому хоккею». В «летней основной части Олимпийских игр 1948 г.» Спорткомитет считал возможным принять участие во всех видах программы⁵, за исключением хоккея на траве. Однако зимние и летние Олимпийские игры 1948 г., как и зимние Игры 1952 г. в Осло, были пропущены советскими спортсменами. Причина очевидна — Спорткомитет не смог гарантировать руководству страны завоевание первого места в неофициальном командном зачёте, а никакое другое место кроме первого И.В. Сталина не устраивало.

По мере приближения 1952 г. мир спорта всё больше волновал вопрос — примут ли советские спортсмены, которые рассматривались спортивными экспертами как одни из сильнейших в мире, участие в Олимпийских играх? 18 апреля 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о создании Олимпийского комитета СССР (НОК СССР) и о подаче заявки на вступление в Международный Олимпийский комитет (МОК). 23 апреля 1951 г. состоялась учредительная конференция НОК СССР, а уже 7 мая 1951 г. он был признан МОК. Таким образом, СССР получил возможность участвовать в Олимпийских играх, что должно было способствовать «пропаганде достижений советского спорта»⁶.

Едва не осложнило и без того нелёгкие условия подготовки к олимпийскому дебюту советских спортсменов страстное увлечение Романова физкультур-

³ Там же. С. 46.

⁴ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 623, л. 4.

⁵ Там же, л. 6.

⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 36, л. 7.

ными парадом. 27 ноября 1951 г. он внёс в ЦК ВКП(б) предложение о проведении в Москве всесоюзного парада физкультурников 22 или 29 июня 1952 г. В той же докладной записке сообщалось, что с 18 июля по 3 августа в Хельсинки состоятся Олимпийские игры, «в которых, возможно, примут участие советские спортсмены». 24 ноября Романов от имени Спорткомитета предложил ЦК ВКП(б) направить предварительную заявку об участии советских спортсменов в XV Олимпийских играх и разрешить с 15 декабря 1951 г. подготовку к ним, освободив спортсменов и тренеров от работы или учёбы. В записке предлагалось создать специальную комиссию для руководства подготовкой к Олимпиаде, в которую были включены руководители спортивной «тройки» (Спорткомитета, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС) президент НОК СССР, первый секретарь Московского обкома ВКП(б), министр здравоохранения, замминистра иностранных дел и представители некоторых других ведомств⁷.

Чем можно объяснить такую близость записок в ЦК ВКП(б) и временное соседство двух масштабных мероприятий, запланированных на июнь–июль 1952 г.? Вероятно, опасаясь неблагоприятного исхода Олимпиады для советских спортсменов и для своей карьеры, Романов ещё надеялся, что Политбюро вновь не даст добро на олимпийский старт, поэтому и предложил провести физкультурный парад, который мог бы выступить в качестве своеобразной подушки безопасности, способной смягчить гнев начальства.

Романов в мемуарах объяснил отказ от дебюта советских представителей зимних видов спорта на Олимпиаде в Осло в 1952 г. нехваткой ресурсов для подготовки к летним и зимним играм. Но 27 ноября 1951 г. в записке на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова он предложил иррациональную трату огромных материальных средств и людских ресурсов на подготовку всесоюзного парада физкультурников. 30 ноября Маленков поручил М.Т. Помазневу разослать записку Романова членам Бюро Президиума Совета министров СССР и подготовить проект поручения. Бюро вынесло вопрос на рассмотрение в Политбюро ЦК ВКП(б), однако 20 декабря 1951 г. на сопроводительном документе появилась резолюция: «Снять вопрос»⁸. Причина – разрешение Совета министров, датированное 17 декабря 1952 г., подать предварительную заявку на участие советских спортсменов в Олимпийских играх в Хельсинки⁹. Здравый смысл всё же возобладал и в ЦК, и в самом Спорткомитете, поэтому в постановлении Совета министров от 11 июля 1952 г. № 3208 «О праздновании дня физкультурника в 1952 году» говорилось: «Принять предложение Комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР о том, чтобы в День физкультурника 20 июля 1952 года физкультурных парадов, массовых спортивных праздников и гимнастических выступлений не проводить. Организуемые в этот день спортивные соревнования и другие физкультурные мероприятия провести на общих основаниях без затраты средств и отрыва участников от работы»¹⁰.

В условиях, когда от Спорткомитета сталинское руководство требовало только победы, объяснимым выглядит отказ от участия в зимних Олимпийских играх 1952 г. В записке от 12 января, направленной Романовым секретарям

⁷ Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх: Кто принимал решение об участии // Родина. 2014. № 1. С. 70.

⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 19, л. 85.

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 137, д. 557, л. 117.

¹⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 19, л. 97.

ЦК ВКП(б) М.А. Суслову и Маленкову, содержалось показательное умозаключение: «Считая, что участие в зимних Олимпийских играх имеет особо принципиальный характер, на которых советские спортсмены должны обязательно добиться завоевания первых мест в ряде видов соревнований, а такой твёрдой уверенности нет, считаем участие в Олимпийских играх нецелесообразным»¹¹.

Утверждение об особо принципиальном характере зимних Олимпийских игр не имеет однозначной интерпретации. Если сравнивать эти Игры с чемпионатами мира по конькобежному спорту или лыжам, то оно не вызывает никаких возражений. Если же речь заходит о летних и зимних Олимпийских играх, то подобное заявление — банальная отговорка, абсолютно противоречащая всем реалиям. Достаточно сравнить масштаб крупнейших послевоенных международных спортивных форумов: в зимних Олимпийских играх 1948 и 1952 г. приняли участие 28 и 30 стран, а в летних в те же годы — 59 и 69. США, которые до появления советских атлетов доминировали на летних Играх, не уделяли особого внимания зимним Играм. Так, в 1948 г. США оказались лишь четвёртыми в общекомандном зачёте, в 1952 г. — вторыми, а в 1956 г. — шестыми. Даже в 1960 г., когда Игры состоялись в Скво-Вэлли, американские атлеты остались третьими в общем зачёте.

Решение Спорткомитета о неучастии в Олимпийских играх в Осло вызвало резкую критику со стороны тренеров, спортсменов и руководства ряда всесоюзных «секций» зимних видов спорта. Особенно заметным был протест хоккеистов и лыжников. Суслов, курировавший ход подготовки советских спортсменов к Олимпийским играм, направлял коллективные письма спортсменов и тренеров Романову с пометой «разобраться». Последний в объяснительной записке от 17 января 1952 г. почти дословно повторил мотивацию из записки Маленкову и Сулову от 12 января: «Руководство Комитета считает, что на международных соревнованиях нужно выступать только наверняка добиваясь победы. Уверенности, что будут победителями советские спортсмены, у руководства Комитета нет. Поэтому мы считаем участие советских лыжников в Олимпийских играх нецелесообразным»¹².

Желание руководства Спорткомитета добиться победы в неофициальном общекомандном зачёте вело к тому, что в качестве кандидатов на поездку на Олимпиаду стали рассматривать не только тех, кто мог завоевать медали, но всех спортсменов, способных побороться за 4–6 места, приносившие от 1 до 3 очков в общую «копилку». В целях повышения конкуренции среди кандидатов спортивные функционеры попытались распространить практики назначения на оклады новых членов и кандидатов в сборные команды страны. В условиях разрастания бюрократического аппарата в последние годы сталинского режима «выбивание» Спорткомитетом новых ставок даже для членов сборных команд оказалось делом непростым. Так, в 1952 г. по поручению Совета министров СССР предложение Спорткомитета «об увеличении штатных единиц и персональных окладов для мастеров спорта и способных молодых спортсменов» было вынесено на рассмотрение и согласование заинтересованных ведомств: Министерства финансов, Государственной штатной комиссии при Совете министров СССР и работавшей при президиуме Совмина комиссии зарплаты и цен.

¹¹ Там же, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 20.

¹² Там же, л. 6.

Предполагалось выделение дополнительных 200 ставок (30 – по 2500 руб., 30 – по 2 тыс. руб. и 140 – по 1200 руб.), но чиновники вышеназванных органов так и не представили сколько-нибудь внятного ответа. Лишь Министерство финансов сочло необходимым аргументировать свою позицию: «В настоящее время на рассмотрении Совета министров СССР находится проект постановления “О подготовке советских спортсменов к участию в XV Олимпийских играх”, согласно которому руководители ведомств должны освобождать участников от работы или учёбы в период подготовки и участия в... Олимпийских играх сроком до 6,5 месяцев спортсменов, по спискам комитета... с сохранением заработной платы по месту их работы»¹³.

Впрочем, бюрократический механизм советской системы допускал сбои. К 9 февраля 1952 г. до 200 спортсменов и тренеров, включённых в состав сборных команд, не были освобождены от работы или учёбы. Особенно задерживали освобождение спортсменов и тренеров два министерства: военное и высшего образования¹⁴.

24 ноября 1951 г. Романов направил Маленкову обширную записку, в которой рассказал о работе Спорткомитета по подготовке к Играм: «Комитет в течение 1951 года провёл предварительную работу: по отбору кандидатов в сборные команды СССР по видам спорта; по подбору тренерского состава; разработал план подготовки сборных команд, а также определил необходимые места для организации подготовки спортсменов. По предварительным расчётам для подготовки к Олимпийским играм должно быть привлечено около 900 человек». Для подготовки спортсменов к Олимпийским играм требовалось «изготовление высококачественного спортивного инвентаря (велосипеды, оружие, боеприпасы, камеры), а также закупка за границей легкоатлетического инвентаря, оружия и патронов, академических судов и некоторого другого инвентаря»¹⁵.

Особое беспокойство вызывало техническое оснащение стрелков (оружие и патроны). В справке, подготовленной осенью 1951 – зимой 1952 г., отмечалось, что «имеющееся оружие отечественного производства, кроме пистолетов, хорошего качества, но всё же для олимпийской команды СССР необходимо изготовить оружие по специальному заказу. Необходимо также изготовить специальную партию особо высококачественных спортивных патронов (боевых и малокалиберных). Следует отметить, что только из-за отсутствия высококачественных патронов результаты наших стрелков несколько ниже, чем они могли бы быть»¹⁶. Для успешного выступления в стендовой стрельбе также требовалось изготовить по специальному заказу оружие, патроны и боеприпасы¹⁷.

В конце апреля 1952 г. Спорткомитет докладывал Маленкову, что Министерство вооружения СССР сорвало выполнение постановления Совета министров о производстве высококачественного оружия и патронов, не сдало ни одного образца и обещало выполнить заказ лишь в мае, что ставило стрелков в «тяжёлое положение». Подготовленные Министерством автомобильной и тракторной промышленности велосипеды также не соответствовали предъявленным требованиям. Изделия Министерства химической промышленности –

¹³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 29, д. 100, л. 88–89.

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 42.

¹⁵ Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх... С. 70.

¹⁶ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 741, л. 27.

¹⁷ Там же, л. 28.

однотрубки для велосипедов — быстро лопались, «что привело к травмам у двух лучших велосипедистов»¹⁸.

В вопросах оснащения «сборников» современным импортным инвентарём и спортивным оборудованием прагматичный подход встречал довольно сильную критику и упреки в недостаточном патриотизме, особенно актуальные в контексте борьбы с «низкопоклонством» перед Западом. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. В Спорткомитете и среди части председателей некоторых «всесоюзных секций» по видам спорта бытовали благие, но утопические представления о том, что выступать надо на изделиях советской промышленности. Подобную позицию разделяла и часть ответственных сотрудников ЦК и министерств, а также спортивные чиновники. Так, в марте 1952 г., когда подготовка к Олимпийским играм уже набрала ход, председатель всесоюзной секции велоспорта А.А. Куприянов заявил, что участие советской команды в гонке «Варшава—Берлин—Прага» могло быть допущено «только на велосипедах отечественного производства». Он считал, что вопрос имел «не только принципиальное, но и политическое значение»¹⁹. При этом Куприянов отмечал многочисленные недостатки отечественных велосипедов, устранить которые, как показали последующие четыре десятилетия, так до конца и не удалось.

Судя по документам, внешнеторговые организации в условиях хронической нехватки валюты и времени не смогли приобрести весь ассортимент необходимого оборудования. На совещании руководства Спорткомитета с руководителями команд и активом всесоюзных секций 5 июня 1952 г. тренер велосипедистов-шоссейников А.И. Кондрашков обратился с просьбой обеспечить его подопечных «высококачественным инвентарём»²⁰.

Как бы то ни было, но велосипедистам пришлось соревноваться на отечественных машинах, произведённых Харьковским велосипедным заводом. Об их качестве оставил нелицеприятный отзыв член сборной команды по велотреку, четырёхкратный олимпийский чемпион по конькобежному спорту Е.Р. Гришин: «Перед отъездом на Олимпийские игры было указание ЦК партии выступать только на отечественном инвентаре. Неважно, велосипед это или гребля — только на отечественном. Не дай бог, чтобы были какие-то иностранные буквы. И нам заказали велосипеды на харьковском заводе. По специальному заказу, даже по размеру каждого были подогнаны. Я попробовал эту чудо-технику, её поднять невозможно было. На одной из тренировок у меня оборвалась цепь, я и сам разбился напрочь, и машину разбил. К Олимпиаде, правда, восстановился, но ездил уже на своём велосипеде — фирмы “Доницетти”. Руководству доложили, что я единственный с импортным велосипедом. Вызвали “на ковёр”, говорят: “Вы же знали указание Центрального комитета”... Тут встаёт зампредседателя Спорткомитета СССР и начинает мне рассказывать, что мы должны пропагандировать не только наш лучший социалистический строй, но и лучшую технику. Я не выдержал, снял рубашку, приспустил до колен штаны, говорю: “Вот, смотрите, я уже допропагандировался. Если вы хотите, садитесь на этот велосипед и сами пропагандируйте”»²¹.

¹⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 109.

¹⁹ Там же, д. 572, л. 27.

²⁰ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 20, д. 4, л. 18.

²¹ Цит. по: Гусев С. Первые тульские герои Олимпиады 1952 года умирали в безывестности (URL: <https://tula.aif.ru/sport/football/162702>).

Впрочем, мнение спортсменов и тренеров спортивных бюрократов особенно не интересовало, как и их собственное мнение мало влияло на обитателей кабинетов на Старой площади. Спорткомитет и министерства, выполнявшие его заказ, находились в разных «весовых» категориях, поэтому 17 июля 1952 г., за два дня до открытия Олимпийских игр, Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) бодро отрапортовал Маленкову: «Докладываем Вам, что все вопросы, поставленные в письме т. Романова, решены положительно. Министерство вооружения, Министерство автомобильной и тракторной промышленности, Министерство химической промышленности выделили и изготовили Комитету необходимое количество оружия, боеприпасов, велосипедов и резиновых покрышек»²². При таком отношении руководителей ведомств и партийных чиновников к оснащению членов сборной команды техникой неудивительно, что лучший из советских велосипедистов на Играх занял двенадцатое место.

«Импортозамещение» могло быть продиктовано позицией некоторых руководителей всесоюзных секций по видам спорта, а также, возможно, некоторых заместителей председателя Спорткомитета. Косвенным подтверждением существования такой псевдопатриотической позиции служит вердикт, вынесенный яхтсменам, из упомянутой справки о сравнительных результатах советских спортсменов с атлетами других стран: «Советские яхтсмены в международных соревнованиях не участвовали. *Ввиду отсутствия судов отечественного производства*, участие в олимпийских играх советских яхтсменов Комитет считает нецелесообразным (курсив мой. — А.К.)»²³. Позже Спорткомитет пересмотрел свою позицию, руководствуясь соображением, что, возможно, яхтсмены пополнят общую «копилку» двумя—тремя очками, поэтому они всё же участвовали в Хельсинкских играх.

Анализируя ситуацию с техникой и инвентарём, можно утверждать, что в целом преобладал прагматический подход. Так, в приложении № 3 к постановлению Совета министров от 22 февраля 1952 г. «О подготовке советских спортсменов к участию в XV Международных олимпийских играх в г. Хельсинки» перечислен разнообразный спортивный инвентарь, подлежащий закупке в Финляндии, Швеции, Италии, Швейцарии, Венгрии и ГДР²⁴. Однако выполнить этот заказ оказалось не так просто. Яхты трёх олимпийских классов удалось достаточно быстро приобрести за границей, но суда ещё одного класса к 1 мая только строились в Швеции. «Ходовые качества этих судов покажут только соревнования в Хельсинки», — говорилось в отчёте Спорткомитета о ходе подготовки к Играм²⁵. Особенно сложной проблемой стала закупка байдарок и каноэ. Минторг, выяснив, что в Швеции их закупить невозможно, лишь в апреле смог договориться об изготовлении лодок в Дании с поставкой в июне. Спорткомитет, пользуясь контактами с коллегами в Чехословакии и Венгрии, договорился о закупке байдарок и каноэ в этих странах. Но здесь тормозила дело специфическая социалистическая проблема — контрагенты Спорткомитета не могли назвать ни цену, ни сроки поставки. Зампред Спорткомитета А. Кривцов уведомил ЦК ВКП(б) 16 мая 1952 г., что спортивные суда

²² Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх. С. 75.

²³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 741, л. 34.

²⁴ Там же, оп. 29, д. 88, л. 50—51.

²⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 168.

должны были прибыть в СССР вместе с гребцами этих стран для «товарищеских встреч»²⁶.

Часть спортивного инвентаря (суда для академической гребли) поступили из Восточной Германии в счёт репараций. На одной из таких лодок одержал олимпийскую победу Ю.С. Тюкалов, который позже рассказывал о четырёх немецких лодках для одиночников, поступивших в сборную²⁷.

В феврале 1951 г. в записке на имя Маленкова Романов писал, что в связи с отсутствием собственных загородных спортивных баз Спорткомитет «вынужден сборные команды СССР по видам спорта готовить к международным соревнованиям кустарно в крайне ненормальных условиях». Согласно записке, подготовка сборников, как правило, проходила под Москвой в ведомственных домах отдыха, которые не имели ни спортивных залов, ни спортивных площадок и оборудования. «В каждом случае Комитету приходится примитивно оборудовать в домах отдыха места для занятий спортсменов или перевозить их за 20–40 км в Москву для тренировок. В большинстве случаев спортсмены тренируются два раза в день, а на поездки в Москву тратится много времени, в связи с чем вторая тренировка проводится на месте, в непригодных условиях и не даёт необходимой пользы», — отмечал Романов²⁸.

Размещение в домах отдыха имело и ряд других негативных моментов: трудно было обеспечить «соответствующий спортивный режим» и необходимый рацион питания. Отсутствовал необходимый медицинский контроль, оказалось невозможно оперативно провести лечение даже незначительных травм. Кроме того, при аренде домов отдыха Спорткомитет вынужден был «уговаривать и упрашивать ведомства о предоставлении путёвок, а в случае, если возникает необходимость ввиду задержки выезда за границу продолжить на несколько дней подготовку, как правило, мы вынуждены искать новое место для проведения тренировок, что нарушает тренировочный режим спортсменов». «Таким образом, — заключал Романов, — большой важности государственный вопрос решается не по-государственному, кустарно и уже в процессе подготовки сборных команд СССР к ответственным международным встречам снижается качество подготовки спортсмена»²⁹.

Романов просил обязать ВЦСПС создать в 1951 г. в одном из домов отдыха под Москвой «хорошую спортивную базу и построить там же к 1 октября с.г. спортивный корпус». В качестве альтернативы Спорткомитет предложил передать ему один из трёх домов отдыха: № 10 ВЦСПС «Правда», Госплана в Воронеже, Министерства лёгкой промышленности «Правда»³⁰. Эта идея оказалась нереализуемой, но Отделу агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) удалось найти компромисс. 19 апреля 1951 г. В.П. Степанов и А.Л. Сушков в записке на имя Сулова сообщили, что в феврале 1951 г. секретариат ВЦСПС принял решение построить загородную спортивную базу на станции Зеленоградской, выделив на её строительство в 1951 г. 550 тыс. руб.³¹

²⁶ Там же, л. 137–138.

²⁷ Кузьмин А. Как первый олимпийский чемпион в СССР побеждал американцев на немецкой лодке из красного дерева (URL: <https://gorod-812.ru/kak-pervyy-olimpiyskiy-chempion-v-sssr-pobezhdal-amerikantsev-na-nemetskoj-lodke-iz-krasnogo-dereva/>).

²⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 498, л. 15–16.

²⁹ Там же, л. 16.

³⁰ Там же, л. 17–18.

³¹ Там же, л. 20.

Возвращаясь к записке Романова на имя Маленкова от 22 февраля 1951 г., нельзя не заметить, что из четырёх спортивных объектов, необходимых уже в 1951 г. для успешной подготовки сборных команд, три относились к зимним видам спорта. Это высокогорный каток и база для горнолыжного спорта в Медео, подъёмная канатная дорога в Бакуриани и искусственный ледовый каток в Москве, где могли бы круглогодично тренироваться конькобежцы, фигуристы и хоккеисты³².

Зачем надо было добиваться строительства трёх крупных и дорогостоящих объектов для зимних видов спорта в 1951 г., если Спорткомитет, по версии Романова, уже тогда решил не участвовать в зимних Олимпийских играх? Казалось бы, необходимо в первую очередь сконцентрировать ресурсы на подготовке к летним Играм в Хельсинки. Всё становится на свои места, если признать, что Романов в своих мемуарах лукавит с целью отвести от себя критику ведущих спортсменов и тренеров за боязливый отказ от участия в зимних Олимпийских играх 1952 г. в Осло.

Подготовка конников стояла особняком и также прошла в условиях, далёких от оптимальных. Спорткомитет, определив круг кандидатов в сборную, передоверил армии организационные вопросы, проведение сборов и весь тренировочный процесс. Романов честно признался, что он ничего не мог поделать с авторитетом легендарных маршалов. Хотя, судя по документам, речь шла лишь об одном из них – С.М. Будённом. Для подготовки советских конников к дебюту на Олимпийских играх он избрал Краснознамённую высшую офицерскую кавалерийскую школу (КВКОШ), носящую его имя. 16 марта 1952 г. начальник школы генерал-лейтенант Осликовский в справке о ходе учебно-тренировочного сбора по конному спорту бодро рапортовал о работе за 2 месяца: «Команда готовится точно по плану, и достигнутые результаты соответствуют заданию». Настораживало лишь число отчисленных спортсменов: 10 из 27³³.

К чему ведёт чрезмерная уступчивость, проявленная руководством Спорткомитета, Романов мог понять, получив в начале мая 1952 г. копию докладной записки В.И. Сталина Будённому. Василий Сталин подверг обстоятельной критике всю систему подготовки кандидатов на участие в Олимпийских играх. Офицеры ВВС – кандидаты в сборную страны прибыли на сборы вместе с четырьмя лошадьми, наиболее подготовленными к участию в ответственных международных стартах. Других лошадей, отвечающих международным стандартам, в распоряжении ВВС МВО не имелось, поэтому после отбраковки одной из лошадей мастер спорта Мишин, «находясь на сборе 10 дней, не участвовал в занятиях по верховой езде из-за отсутствия лошади»³⁴. В.И. Сталин видел в этом узкий, ведомственный подход Осликовского, который, зная о положении с конским составом в команде ВВС МВО, не выделил ни одной лошади, хотя «имеющие опыт выступлений в многоборьях классные, чистокровные жеребцы Исарт, Гребисит, Замир, Гриф и др. не включены в состав сборной команды СССР, а готовятся к предстоящему первенству Советской армии»³⁵.

Спорткомитет фактически устранился от контроля над процессом подготовки конников к Олимпийским играм. Инспектор Спорткомитета по конному спорту Станишевский, по мнению В.И. Сталина, контроль не осуществлял, так

³² Там же, л. 18, 20.

³³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 20, д. 2, л. 37.

³⁴ Там же, оп. 1, д. 900, л. 24.

³⁵ Там же, л. 23.

как состоял «в должности начальника штаба сборной команды, подчиняется начальнику сбора и получает за это материальное содержание»³⁶.

В.И. Сталин привёл целый ряд «существенных организационных недостатков», из которых на первое место поставил тот факт, что во время трёхнедельного карантина прибывшие на сбор лошади редко выводились на плац (при наличии в КВОКШ второго манежа). После окончания карантина была допущена чрезмерная нагрузка, что привело к травмам ряда лошадей, принадлежавших разным командам («Спартаку», ВВС МВО и ДОСААФ). Как утверждал В.И. Сталин, тренерский состав был назначен начальником сборов без учёта квалификации и опыта. В частности, тренер по многоборью лейтенант Шеленков ранее не занимался тренерской деятельностью. Тренерский совет сборов не интересовался методами тренинга лошадей, поступивших из других ведомств, не разработал перспективный план тренировок на весь период подготовки. Старший тренер полковник И.М. Чалый неоднократно проявлял «недружелюбное отношение» к офицерам ВВС МВО, включая публичные оскорбления. Кроме того, некоторые его приказания были «нелепыми». Так, он потребовал, чтобы офицеры ВВС надели кавалерийские погоны, и перевёл их на казарменное положение³⁷. Разделяя недовольство своих спортсменов, Василий Сталин отдал приказ вернуть со сборов всех четырёх членов команды ВВС – кандидатов в олимпийскую сборную СССР. Однако у Будённого этот демарш понимания не встретил, а Спорткомитет не рискнул вмешиваться в конфликт.

Нужно отметить, что влияние Будённого на подготовку сборной СССР к Олимпийским играм 1952 г. оказалось скорее негативным, прежде всего из-за непонимания тенденций мирового конного спорта и общего консервативного мировоззрения маршала. В частности, его сопротивление приходу женщин в конный спорт привело к тому, что кандидатки в команду были отчислены до контрольных стартов. Неуместным был и его ведомственный протекционизм при формировании сборной команды.

С проблемами при подготовке столкнулись, разумеется, не только в Советском Союзе, но и в МОК, и в Оргкомитете Хельсинской Олимпиады. Особое беспокойство у них вызывало количество участников и сопровождавших их лиц (всего 8,5 тыс. человек) после получения предварительных заявок. Президент МОК Ю.С. Эдстрём «приказал», чтобы оргкомитет сообщил НОК циркулярно, «что количество вспомогательного персонала для групп, превышающих 100 человек, должно быть сокращено приблизительно до 20%, считая от количества активных участников». На совещании с советскими представителями 27 мая 1952 г. глава оргкомитета Игр Э. фон Френкель заявил, что, поскольку количество активных спортсменов СССР – 400 человек, то число вспомогательного персонала, во всяком случае, не должно превышать 100 человек. Советские делегаты заверили, что учтут эти пожелания³⁸. «Учёт» оказался оригинальным. В Хельсинки приехали только 295 советских спортсменов, но сопровождающий «вспомогательный» персонал составил 125 человек. Характерно, что при почти равном количестве спортсменов (286 из США и 295 из СССР)³⁹, советское ру-

³⁶ Там же, л. 24.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, оп. 2, д. 741, л. 64.

³⁹ Official Report of the Organising Committee for the Games of the XV Olympiad, Helsinki, 1952. Porvoo. 1955. P. 221, 245.

ководство и вспомогательный персонал в полтора раза превысили аналогичные показатели американцев.

СССР обстоятельно и всесторонне готовился к Олимпиаде в Хельсинки. Для участников были изготовлены полные комплекты парадной и спортивной одежды с государственной символикой. За ношением этой униформы бдительно присматривали не только многочисленные чиновники, но и сотрудники МГБ. Двукратный олимпийский чемпион по академической гребле Ю.С. Тюкалов вспоминал: «Привезли нам, гребцам, шерстяную форму вместо хлопчатобумажной! На майке — большой картонный герб с серпом и молотом, углы которого больно кололи в грудь при гребке. Но это-то ладно, а вот на трусах, представь, была вставка из замши — на самом интересном месте! Того, кто такой дизайн формы придумал, самого в ней на банку (сиденье гребца. — А.К.) посадить грести неплохо было бы... Я схитрил — и «парадный комплект» сверху, и свой собственный (старую майку и обычные сатиновые трусы) на финал на себя надел. Но на берегу переодеться не получилось: стукач, сопровождавший сборную везде и всюду, ни на шаг от меня перед стартом не отходил. Пришлось фактически пожертвовать разминкой. Уехал я в шерстяной форме поглубже в залив, там с себя её содрал и бросил на дно лодки»⁴⁰.

Рацион питания для олимпийцев, предложенный оргкомитетом Игр, не устроил советских спортивных чиновников, поэтому было принято решение самостоятельно обеспечить советских спортсменов вкусной и калорийной пищей. В ходе совещания с оргкомитетом Олимпиады удалось договориться о возведении новой кухни на 500 человек и столовой на 250 человек, работавших в две смены⁴¹. Доставка продуктовых грузов из Ленинграда в Хельсинки осуществлялась поездами, а скоропортящихся продуктов — самолётами. Для питания и обслуживания советской делегации Минторг выделил 100 работников общепита, в том числе 30 официантов⁴².

В Хельсинки были созданы две деревни для проживания участников игр: одна для спортсменов из СССР и ряда других стран восточного блока, другая — для всех остальных. Советское руководство позаботилось о том, чтобы спортсмены и тренеры ни на минуту не забывали о родине (рядом с главным зданием был торжественно поднят красный флаг, на фасаде дома вывешены огромные буквы «СССР», в центре которых размещён государственный герб) и её вождях (фасад здания «украсила» картина со Сталиным, стоящим посреди поля, в столовой на одной из стен разместили портреты членов Политбюро). При этом попытка провести заключительный сбор олимпийцев в Выборге, климатические условия которого были такими же, как Хельсинки, провалилась. Имевшиеся там базы, построенные до войны финнами, требовали ремонта или коренной реконструкции в сжатые сроки. Часть объектов пришлось возводить с нуля, и к началу мая почти ничего сделать не успели. «Пришлось срочно перестраиваться и переводить спортсменов в Москву, Ленинград, Киев, Таллин. Часть спортсменов всё-таки разместились в Выборге», — вспоминал Романов. Он признавал, что это решение оказалось ошибочным, так как в те годы у городских властей «хватало собственных забот, связанных с восстано-

⁴⁰ Кузьмин А. Как первый олимпийский чемпион в СССР побеждал американцев на немецкой лодке из красного дерева.

⁴¹ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 741, л. 65–68. Подобные договоры были заключены оргкомитетом с Францией и Италией.

⁴² РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 129, 175.

лением города, сильно пострадавшего во время войны. Но строители обещали, а мы поверили»⁴³.

Генерал-лейтенант Осликовский, отвечавший за подготовку конной команды олимпийцев, проявлял куда больше реализма и здравого смысла, глядя на темпы строительных работ: «До выезда в город Выборг остался только один месяц, между тем постройка конюшни и оборудование стадиона ещё не начаты, что вызывает опасение в своевременном начале тренировок в полевых условиях на местности, приближенной к месту проведения Олимпийских игр»⁴⁴.

Длительная изоляция советского спорта привела к тому, что в целом ряде дисциплин существенно отличались отечественные и международные правила. Для быстрого перехода требовался и соревновательный опыт с зарубежными участниками и судьями, что было крайне затруднительно в условиях требований побед от руководства страны. Отсюда последовали и досадные провалы у некоторых спортсменов, которым по силам было покорение олимпийского пьедестала.

В сборную включали не только по спортивным показателям, но и по критериям благонадежности. В число «неблагонадежных» могли попасть спортсмены, побывавшие в годы войны в плену, имевшие родственников за границей, выговоры по партийной или комсомольской линии, замечания по предыдущей поездке за границу, а также родившиеся в семье «бывших» — дворян, офицеров, предпринимателей, священников или «кулаков». К счастью, для спортсменов ни одно из этих «пятен» не стало приговором, поэтому военнопленные В.И. Чукарин и И.В. Удодов, прошедшие через лагеря смерти, смогли стать олимпийскими чемпионами. Первый советский чемпион мира в тяжёлой атлетике Г.И. Новак, ставший невыездным из-за встречи с родственником за границей, после раздумий сотрудников госбезопасности (его жена и дети оставались на родине) всё же был допущен на Олимпийские игры, где завоевал серебряную награду.

Некоторым спортсменам с «неправильной» анкетой повезло меньше, запретить поездку на Игры могли в последний момент, уже после прохождения всех отборочных стартов. Так, чемпиону страны по шпaге Д.А. Душману 1 мая 1952 г., в день отъезда на сборы в Венгрию, сообщили, что выезд ему не разрешён. На заключительный сбор перед Хельсинки, который проводился в Выборге, его не пригласили по причине отсутствия разрешения на выезд в Финляндию. В письме на имя Л.П. Берия Душман недоумевал: «Мне совершенно непонятно, почему мне не разрешают участвовать в международных соревнованиях. Единственной причиной может быть только то, что мой отец был арестован в 1938 году, в то время, когда мне было 14 лет. Неужели я должен отвечать за поступки отца и из-за этого страдать? В то время я был ещё ребёнком. Я как мастер спорта и чемпион СССР могу принести пользу своей команде в международных соревнованиях»⁴⁵. Однако обращение к Берии не помогло. Репрессированный отец, врач по специальности, в глазах госбезопасности перевесил всё: чемпионское звание Душмана, его фронтовой путь, два ранения, многочисленные боевые награды механика-водителя танков Т-34

⁴³ Романов Н.Н. Указ. соч. С. 148–149.

⁴⁴ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 20, д. 2, л. 77.

⁴⁵ Там же, оп. 1, д. 900, л. 47–48.

и ИС-2. Поэтому в том же 1952 г., на пике своей спортивной формы, Душман вынужден был перейти на тренерскую работу.

Более успешным оказалось ходатайство на имя Суслова от 7 июня 1952 г. другого отстранённого — фронтовика, вернувшего в спорт после тяжёлого ранения, многократного чемпиона страны, подполковника В.В. Вышпольского. Он успел войти в последний вагон «эшелона», как именовались в документах Спорткомитета поезда с олимпийцами, отбывавшими в финскую столицу, и даже выступил (неудачно) в командном турнире саблистов из-за того, что его заключительная подготовка к Играм была полностью сорвана. Вышпольский писал Суслову, что после отстранения от сборов в Венгрии он получил «моральную травму», был «представлен самому себе, оторван от коллектива, в то время как вся команда имела возможность совершенствоваться, повышать своё техническое и тактическое мастерство»⁴⁶.

Значение тренировок с венграми перед Олимпийскими играми действительно не следует недооценивать. Олимпийский чемпион М. Мидлер вспоминал: «Когда советское правительство приняло политическое решение участвовать в Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки, к нам для обучения пригласили венгерских фехтовальщиков. Это было летом 1951 года. Они приехали, мы на них посмотрели: ну венгры и венгры, ничего особенного. Все подумали, что сейчас просто разнесём их, тем более у нас такая команда: все красавцы, здоровые, сплошь чемпионы СССР... Закончилось разгромом нашим... Сначала Вышпольский был. Двадцатикратный чемпион. Вышел против венгерского тренера — лысого, с таким животом. Вышпольский — красавец, стройный... А тот старик лысый, как Тартарен из Тараскона, с пузом. И этот дед в три минуты нашего бойца сожрал. За счёт знаний»⁴⁷.

Централизованная подготовка кандидатов для участия в Олимпийских играх осложнялась организационными проблемами, в частности — распределением зон ответственности между ведомствами за выдвижение кандидатов, проведением тренировочных сборов и отборочных соревнований, утверждением состава сборной. Официально ведущая роль отводилась Спорткомитету, с которым был аффилирован НОК СССР. Его председателем стал К.А. Андрианов — заместитель Н.Н. Романова, лишь секретарь НОК П.А. Соболев в какой-то степени не зависел от Романова, будучи штатным сотрудником МГБ. НОК занимался контактами с деятелями МОК и Оргкомитетом Игр, не принимая участия в подготовке олимпийцев. Руководство ВЦСПС возложенную на профсоюзы работу выполняло в целом добросовестно, находясь в контакте со Спорткомитетом, не обременяя его своими инициативами и фактически действуя по его указаниям.

Иную позицию занял ЦК ВЛКСМ. Тон задал первый секретарь ЦК Н.А. Михайлов. На упомянутом апрельском совещании у Суслова в 1948 г. он заявил, что Спорткомитет, в частности, предоставлял стипендии мастерам, достигшим «преклонного» для спорта возраста, и материально не поддерживал молодых атлетов. Эту критику услышали, но её результаты оказались неоднозначными. С одной стороны, были сокращены ставки для выдающихся мастеров, получавших от 2 до 3 тыс. руб., что вызвало в их среде понятное разочарование. С другой — введены дополнительные ставки для молодёжи. Это

⁴⁶ Там же, л. 54–55.

⁴⁷ Мидлер А.П. Марк Мидлер. Повесть о фехтовальщике. М., 2016. С. 21–22.

усилило конкуренцию за место в сборную команду на Игры 1952 г., но в конечном счёте при формировании олимпийской команды предпочтение было отдано ветеранам.

24 мая 1952 г. Михайлов направил записку на имя Романова, в которой сообщил о «серьёзных недостатках» в подготовке спортсменов к Олимпийским играм. Этот документ свидетельствует, что ЦК ВЛКСМ поддерживал контакты со спортсменами и тренерами по многим видам спорта. Наряду с мерами по укреплению дисциплины, замены части тренеров и лиц, занимавшихся материально-хозяйственной частью, Михайлов предлагал ускорить доставку импортных судов для гребцов, провести совместные тренировки отечественных яхтсменов с зарубежными соперниками, устроить просмотр документальных фильмов об Олимпийских играх 1948 г., а также организовать на сборах гимнастов в Выборге киносъёмку для анализа выступлений атлетов⁴⁸.

Михайлов мог вызвать в ЦК ВЛКСМ главного тренера прямо со сборов, проходивших далеко от Москвы, чтобы обсудить процесс подготовки спортсменов. При этом он не считал нужным согласовывать подобные действия ни с генерал-полковником А.Н. Аполлоновым, ни тем более с Романовым, которого по-прежнему считал своим «подчинённым». Во время руководства Спорткомитетом Аполлоновым (1948–1950) Михайлов последовательно боролся за снятие его с должности, рассылая докладные записки секретарям ЦК, в которых резко критиковал командующего спортом генерала. При этом он обращался в ЦК ВКП(б) и с конструктивными предложениями: в записке на имя Маленкова от 28 августа 1951 г. предлагал начать строительство ряда спортивных объектов в Москве и спортивной базы в Подмоскowie, мотивируя свои предложения как заботой о здоровье трудящихся, так и необходимостью подготовки к «мировым Олимпийским играм»⁴⁹.

Общая напряжённость, царившая в высших эшелонах партийно-правительственной власти в последние годы жизни Сталина, превращала любое международное соревнование в зону риска для спортивных чиновников. Руководство Спорткомитета лишь тогда решалось ходатайствовать об участии советских спортсменов в том или ином международном соревновании, когда было уверено в победном исходе. Однако прогнозы, сделанные специалистами (тренерами и руководителями секций по видам спорта при Спорткомитете), не всегда оправдывались. В этом случае у Романова и его соратников выработались две стратегии поведения. Одна состояла в том, чтобы обрушить кары на проигравших, посылая «пеплом» и свои головы, т.е. признавая организационные просчёты и недостаточный контроль за исполнителями. Классический пример – разгон команды ЦДСА после поражения сборной СССР от Югославии на футбольном турнире Олимпийских игр в Хельсинки в 1952 г. Были назначены и персональные виновные: футболисты К.И. Бесков и В.А. Николаев, а также тренер Б.А. Аркадьев, которых лишили звания заслуженных мастеров спорта⁵⁰.

Другая стратегия состояла в том, чтобы создать видимость благополучного исхода соревнований, в которых победный результат не был достигнут. Характерный, но значительно менее известный пример – создание видимости по-

⁴⁸ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 900, л. 35–37.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 498, л. 185.

⁵⁰ Романов Н.Н. Указ. соч. С. 203–204.

бедного итога Игр 1952 г. Опасаясь гнева «хозяина», Романов уже в Хельсинки затеял свои «статистические» игры вокруг итогов Олимпиады. Много лет спустя в своих мемуарах он сетовал на «проамериканское судейство» в некоторых олимпийских дисциплинах, писал об исходе Игр как украденной американцами победе: «Когда речь заходит о победителе XV Олимпийских игр в неофициальном зачёте, то говорят: «Две команды — СССР и США — набрали по 494 очка и поделили 1-е место»⁵¹.

Вопрос об итогах Олимпийских игр, которые оказались далеко не очевидными, в августе 1952 г. волновал высшее руководство страны. Как свидетельствует Романов, по возвращении в Москву, когда он докладывал перед заместителями председателя Совета министров СССР о результатах Игр, «скрупулёзно проверялась точность подсчёта очков и медалей, завоёванных на Олимпийских играх нашими спортсменами и спортсменами США как по отдельным видам, так и в командном зачёте». Затем вместе с представителями «Правды» и «Известий» была подготовлена статья (в форме беседы с главой советской делегации на Играх Романовым) об итогах Олимпийских игр. Но прежде чем статья пошла в набор, как утверждает мемуарист, в третьем часу ночи ему позвонил Маленков, которого особенно волновала точность подсчёта количества медалей. Романову пришлось ещё раз подтвердить: «за точность мы ручаемся»⁵².

Поиски «правильной» презентации итогов прошедших Олимпийских игр не сразу принесли свои плоды. В докладной записке на имя Сталина зампред Спорткомитета С. Иванов писал: «Как сообщил руководитель советской спортивной делегации в Хельсинки т. Романов, советские спортсмены в итоге спортивных соревнований на Олимпиаде вышли на первое место, набрав 494 очка и заняв 124 призовых (с первого по шестое) места. Второе место заняли американцы, набравшие 490 очков и получившие 97 призовых мест»⁵³. Обращает на себя внимание, что призовыми названы места с первого по шестое, а не с первого по третье. Разумеется, никакие «призы» (медали) за четвёртое—шестое места не полагались. Крупно уступив американцам по числу первых мест — 22 против 40, — советские спортивные руководители нашли «спасательный круг» в виде неофициального командного зачёта, когда за первое место начисляется 7 очков, за второе и последующие места соответственно 5, 4, 3, 2 и 1 очко.

В тот же день, когда «Правда» объявила об одержанной советскими атлетами победе в неофициальном командном зачёте, за океаном «Нью-Йорк Таймс» заявила, что США превзошли СССР со счётом 614:553,5⁵⁴. Эти цифры не были обманом, но рассчитывались по другой шкале, выгодной именно для американцев, когда за первое место начислялись не 7, а 10 очков. Используя выгодную для себя и более распространённую систему, команда Романова утверждала, что Советский Союз опередил США по этому показателю. Уточнённые результаты в неофициальном зачёте по очкам были объявлены как ничья: 494:494. Спустя полвека спортивный журналист и статистик А. Вартамян, пересчитав таблицы по видам спорта, впервые в СССР полностью опубликованные Б.Н. Хавиным

⁵¹ Там же. С. 276.

⁵² Там же. С. 280—281.

⁵³ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 36, л. 20.

⁵⁴ *Parks J. The Olympic Games, the Soviet sports bureaucracy, and the Cold War: Red sport, red tape.* Lanham, 2016. P. 22—23.

в 1979 г.⁵⁵, пришёл к выводу, что кочующие по всем российским справочникам итоги Олимпийских игр в Хельсинки не соответствуют действительности: у американцев 495 набранных очков, у советских спортсменов — 487⁵⁶.

В процессе подготовки к Олимпийским играм укрепилась роль Спорткомитета как доминирующего организатора спортивной жизни страны. Вместе с тем его руководство находилось под полным контролем ЦК ВКП(б), и все сколько-нибудь важные вопросы подготовки к Олимпийским играм согласовывались с отделом пропаганды и агитации ЦК и решались постановлениями Политбюро. Именно Политбюро дало разрешение на создание НОК СССР и участие сборной в Олимпийских играх в Хельсинки.

К организации подготовки и участия сборной страны в дебютной для СССР Олимпиаде власти подошли с размахом. Расходы по подготовке и участию в Играх составили 24,1 млн руб., включая 4,6 млн на «выезд и содержание» спортивной делегации, в том числе 1,2 млн в валюте. Для сравнения: общая смета расходов по XVI Олимпийским играм составила 13 млн руб., в том числе расходы на содержание делегации в Мельбурне — 7,2 млн, из них в иностранной валюте — 2,4 млн руб.⁵⁷ Таким образом, на подготовку к Мельбурну, несмотря на его крайнюю отдалённость, Советский Союз потратил лишь 54% от общих бюджетных расходов на свою первую Олимпиаду. Накопленный опыт подготовки к Играм и более эффективная система сборов позволили не только почти вдвое сократить расходы, но и опередить американцев по всем показателям в общекомандном зачёте, включая и золотые награды — 37 против 32.

В послевоенные годы спортивная бюрократия, испытывая беспрецедентное давление со стороны сталинского руководства, требовавшего победы в любых, даже самых незначительных международных соревнованиях, вынуждена была минимизировать число таких соревнований, а главное — допускать на них лишь те команды, которые «гарантированно» могли добиться победы. Эти тактические ухищрения спортивных бюрократов привели к тому, что на Олимпийских играх в Хельсинки многие спортсмены, способные бороться за награды (по мнению тренеров и руководства Спорткомитета), провалились, не имея никакого опыта участия в международных соревнованиях. Ещё хуже эта тактика сказалась в зимних олимпийских видах спорта: из-за отсутствия опыта участия в чемпионатах мира и Европы или борьбы с сильным соперником многих сильных спортсменов не пустили на Олимпийские игры 1952 г. в Осло. Их блестящий победный дебют состоялся лишь спустя четыре года, в 1956 г.

⁵⁵ Хавин Б.Н. Всё об олимпийских играх. М., 1979.

⁵⁶ Вартамян А. Нас обманывали 50 лет: Олимпиаду-52 всё-таки выиграли американцы // Спорт-Экспресс. 2002. 21 октября.

⁵⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 37, л. 21, 29.